УДК 101.1:903.7.031+930.85.130.2
ББК С 60
DOI: 10.35211/2500-2635-2021-3-47-14-21

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

STRUCTURAL AND CONTENT FEATURES SOCIAL IDENTITY OF PERSONALITY: TEMPORAL ASPECT

БУТЕНКО Сергей Викторович
Юридический колледж,
Москва, Россия
E-mail: bytenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальной идентичности индивида в ее темпоральной динамике. Предлагается структура социальной идентичности, выстроенная в уровневом взаимодействии основных субъектов исторического бытия. Анализируются содержательные элементы структуры – личность, социальная группа, большое сообщество людей – и особенности их взаимодействия. Автор доказательно анализирует ментальные основания исторической идентичности.

Ключевые слова: социальная идентичность, личность, структура идентичности, менталитет, историческая идентичность.

BUTENKO Sergey V.
College of Law,
Moscow, Russia
E-mail: bytenko@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of the social identity of an individual in its temporal dynamics. The structure of social identity, built in the level interaction of the main subjects of historical life, is proposed. The content elements of the structure - personality, social group, large community of people - and the features of their interaction are analyzed. The author demonstratively analyzes the mental foundations of historical identity.

Keywords: social identity, personality, identity structure, mentality, historical identity.

Социальная идентичность, как и всякий иной многоуровневый феномен, актуализированный в полидисциплинарном научном пространстве, нуждается – для удобства его социально-философского осмысления – в определенном структурировании, детерминационном измерении, выводящем на первый план его сущностные черты (Полежаев 2017). Социальная идентичность личности понимается как процесс самоопределения человека, социальной группы и общества в историческом протяжении. Она имеет собственные ментальные основания (определяющие особенности ее становления, осуществления и трансляции) и предполагает выделение в ее структуре трех основных функционально значимых компонентов (измерений), взаимное действие которых видится вполне убедительным в уровневом отношении: индивидуально-личностное, социально-групповое, а также большого масштаба или формата социальная общность.

Каждое из них фиксирует свой, в определенном смысле локализованный уровень реализации обращенных вовне и само-идентификационных интенций субъекта в историческом протяжении. В этой связи закономерен вопрос, например, об отличиях социально-группового измерения от большеформатного. В качестве фундаментального основания разделения данных социальных групп можно обозначить два основных критерия: первый связан с *масштабом* самого измерения (они значительно различаются, что проявляется и в качественных и в количественных их характеристиках); а во-вторых, видится важной сама возможность относительно четкой характеристики самой группы (профессиональной, языковой, религиозной, этнической и др.) (Полежаев. Проблема... 2015). И это практически исключается в выделенном автором статьи самом объемном и в пространственном и во временном отношении измерении исторической идентичности.

В качестве первоосновы группового измерения особо обозначена малая группа – семья, играющая важную роль как на этапе формирования и развития, так и на всем жизненном пути личности (уже в качестве ориентира или духовной опоры самоопределения). Вторым необходимо существенным элементом детерминации исторической идентичности выступает группа большей численностью, но при этом ограниченная профессиональной составляющей данной общности – это ученые, исследователи, которые не ограничены жесткими рамками какой-либо предметной области научного знания, но работающие в пространстве социально-гуманитарного знания.

Другая большеформатная социальная общность, обладающая исторической идентичностью, может быть представлена в понятиях «общество», «культура», «цивилизация», «народ», «государство» и т. п. Этот большой (как в плане объединения субъектов, так и в плане темпоральности) уровень понимания социальной идентичности личности позволяет отделить его от других измерений. При этом можно положительно утверждать, что процесс большой идентификации будет в значительной степени тождественен идентификации внутренних уровней – различных социальных групп, страт, а также даже для самых разнонаправленных индивидуально-личностных измерений исторической идентичности.

Характеризуя личность как ядро сформированного вокруг нее индивидуально-личностного измерения идентичности, стоит отметить ее связь с остальными, в определенном смысле более высокими выделенными уровнями измерения. При этом важно помнить, что каждый из них выступает в качестве самостоятельного идентификационного субъекта. Несомненно, даже повседневная самоидентификация человека невозможна без освоения им исторической идентичности, сквозь призму которой личность находит элементы тождества самому себе в собственном историческом протяжении, которому он принадлежит. Но и групповое измерение социально-индивидуальных феноменов в определенном историческом пространстве и времени выступает как существенное для отдельного человека, социальной группы, а также и для большой социальной общности, в которой ее составляющие социальные элементы (страты) выступают в качестве существенных, своего рода опорных структурных оставляющих.

Историческая идентичность как глубинно-психологический феномен индивидуально-личностного и социокультурного порядка, сохраняющий наиболее устойчивые, базирующиеся на ментальных основаниях, представления общества (социальной группы, личности), по выражению Ф. Броделя, во «времени большой длительности» (Полежаев. Русский... 2011) о самом себе и окружающем мире. Данные представления, сформированные на уровне глубинно-психологических установок, возникают, функционируют и транслируются в относительно неизменном виде в определенном историческом протяжении. Именно через социальную идентичность в темпоральном измерении происходит отождествление личности с такой малой группой, как семья; после освоения семьи индивидом будут отыскиваться и выстраиваться иные пространства исторической самоидентификации.

Сформированная историческая идентичность индивидуально-личностного плана вполне может определять социальное бытие человека в его физическом времени через преломление индивидуального сознания – как на уровне сознания, так и на уровне *внесознательного* – сквозь призму исторического прошлого. В таком случае для личности ее существование видится следующим образом: «моя жизнь» → «продолжение истории моей семьи», ее «качественная» часть (заложенная воспитанием и традициями семьи), → «воплощение в физическом измерении «здесь и сейчас», в современном социальном контексте».

Самосознание исторической идентичности человека, то есть принадлежности его к истории страны, государства, общества и культуры может выражаться через утверждение: «Мои предки, соединенные воедино в качественном бытии моей семьи, переживали взлеты и падения в историческом прошлом моего народа, значит я как и они в прошлом, часть моего народа». Прошрое, воплощенное в настоящем, отождествляется таким образом (на уровне внесознательного), со своими корнями. В этом случае бережное отношение к прошлому, воплощенное в словах и действиях личности, вполне способно определять качественное бытие настоящего.

Предлагаемые автором в качестве структурных компонентов модели исторической идентичности (личность – группа, личность – «исследовате-

ли», личность – общество) имплицитно включают в себя ментальные (выступающие как функционально-ценностные) основания, позволяющие создать прочные идентификационные связи. Например, убедительным представляется тезис о ментальных основаниях идентификационной линии «личность – группа (семья)». Поскольку семья (феномен – здесь – в понимании отечественной традиции) включает в себя на уровне внесознательного такие понятия, как «соборность» или «община» (свойственные для менталитета русского человека, но чуждые для личности другой ментальности), постольку она имеет для россиянина совершенно определенное ценностное значение (Кондаков 2010; Полежаев. Российская... 2015), отличное для представителей иной культуры, формации и даже исторического времени.

Понятно, что социальная идентичность в темпоральном измерении выступает неотъемлемой частью бытия семьи, которая всегда была и является своего рода транслятором культурно-ментальных общественных кодов, соединяя в себе прошлое (развитие семьи в историческом протяжении, запечатлевшей в себе несколько поколений) и будущее – новое поколение, на которое и направлена трансляция культурных традиций и поведенческих стереотипов. Самоидентификация выделенной социальной группы происходит сквозь призму исторической идентичности, благодаря которой семье удастся определить тождественность себя обществу определенной эпохи, а также те или иные различия между семьей и другими малыми группами.

Взаимодействие семьи и личности, включенной в выделенную автором группу, также происходит через функциональные установки менталитета общества, то есть через механизмы, связанные с исторической идентичностью. В данном случае семья сохраняет и передает опыт поколений, формирует мировоззренческие установки социокультурного плана, взаимодействуя не только с личностью, но и со всем обществом в целом.

Небезынтересным видится вопрос аспектной идентификации личности с профессиональной группой «исследователи», невозможный, на взгляд автора, без достаточно сформированной исторической идентичности. Под «исследователями» в самом первом приближении понимаются, в первую очередь, профессиональные историки, предметно изучающие вопросы исторического самосознания народов и стран в различные исторические эпохи, то есть профессионально включенные в пространство исторической идентичности. Впрочем, эта ниша справедливо открыта и для социальных философов, социологов, социальных психологов, этнологов и иных специалистов в сфере социально-гуманитарного знания (Гуревич 2010; Резник 2005).

В контексте концепции исторической идентичности справедливо предположить, что личность будет прислушиваться к мнению профессионального ученого, выступающего для нее знаковой фигурой, в определенном смысле автоматически, на уровне поведенческой установки, отделяя и отдаляя мнения других и тем самым осуществляя некий собственный научный поиск. В таком ключе индивид, не являясь профессиональным ученым, определяет свой круг информационных источников, при этом идентифицируя себя, пусть и на личностном уровне, с группой профессиональных исследователей. И такого рода обыденная профессионально-индивидуальная иден-

тичность не является по своей сути ложной, хотя она и контекстуальна, то есть включена в некий конъюнктурный ритм повседневного бытия.

Социальная идентичность, представленная в историческом протяжении, иногда позволяет взаимодействовать личности с группой большего порядка (или масштаба) – с обществом (Полежаев 2000). В данном случае личность именно через историческую идентичность определяет тождество между собой и группой, относящейся к определенной исторической эпохе, ранее порожденной и сформированной самим обществом (в данном случае – «пред-обществом»). Эпоха, формирующая общество и создаваемая этим самым обществом, аккумулирует вокруг себя установки культурного плана, которые определяют характерные для данной эпохи модели общественного поведения, стратегии дальнейшего развития, приемлемые для человека конкретного времени. Это позволяет современному человеку, даже на уровне внесознательного, определить себя частью той или иной эпохи (например, времени 1970-х, 1980-х или 1990-х годов). Важно помнить, что эти, характерные для определенного временного периода (и, соответственно, индивида), социально-культурные установки и модели поведения, понимаемые нами как механизмы функционирования менталитета / ментальности, могут быть чужды, то есть абсолютно неприемлемы для человека другой эпохи.

Определение знаковой фигуры, характеризующее идентификационную линию личность – «исследователи», также опирается на ментальные установки, сформированные в длительном историческом времени и переданные в том или ином виде индивиду в качестве механизмов культурно-психологического самоопределения. Освоив ментальные установки в их системе (восприняв их как свои собственные), личность останавливает свой выбор преимущественно на мнениях носителей тождественной ментальности, в том числе из числа исследователей, принимая их как наиболее убедительные, чем позиции представителей иного менталитета (Полежаев. Образ... 2011). В порядке исключения могут рассматриваться научные проблемы, недостаточно исследованные отечественными учеными; впрочем, по-видимому, лишь до тех пор, пока недостатки в разработанности ее не будут закрыты.

Ментальные основания идентификационной линии, в том числе через призму социальной теории – актуального сегодня направления социальной философии (Полежаев 2018) – личность – общество также представляются вполне убедительными. Установки культурного плана, определяющие модели общественного поведения, считываются личностью как на уровне общественного или индивидуального сознания, так и на уровне внесознательного, становясь частью личностного бытия, но неся в себе при этом некие исходные социально-групповые коды.

Не менее значимым является измерение исторической идентичности через группу профессиональных исследователей. Их самоидентификация выражается в сформированности мыслительных стереотипов (Барг 1987), определяющих историографические периоды развития научного знания. Именно благодаря исторической идентичности, реализованной в пространстве науки, социальной философии и социологии, профессиональный исследователь имеет возможность детерминировать по времени существовав-

шие или существующие в настоящий момент научные школы, классифицировать направления, парадигмы, определяя, таким образом, и место своего исследования в системе научного знания.

Весьма интересно социальное взаимодействие группы «исследователи» с личностью, которая рассматривается специалистами в сфере социально-гуманитарного знания как социальный субъект, включенный в историческое развитие общества. Личность, таким образом, запечатлевает в самой себе историческую протяженность социального развития, выраженную в установках социокультурного плана, поведенческих моделях, особых методах трансляции поколенческого опыта, а также способах мышления и анализа, заключенных в ментальных основаниях бытия общества (Полежаев 2009). Личность выступает как субъект, одномоментно присутствующий во всех трех предложенных структурных компонентах исторической идентичности (личность – группа, личность – «исследователи», личность – общество) в их взаимосвязи.

На значимость постижения глубинного уровня сознания как отдельной личности, так и социума в целом впервые в науке обратили внимание основатели французской Школы «Анналов» (Гуревич 1993), однако данный процесс возможен только в случае исторической идентификации исследователя и изучаемой группы. Немаловажной представляется еще одна проблема – о роли личности в истории, существенная как в историческом, так и в социологическом и социально-философском плане; постижение ее вне проблемного поля исторической идентичности представляется крайне затруднительным.

Взаимодействие группового («исследователи») и социально-группового («общество») измерений также невозможно без учета идентификационных моделей. Например, исследователи сохраняют и передают обществу те или иные мировоззренческие установки, поколенческий опыт и общественные традиции, облекая это в форму научных концепций. При этом достаточно четко идентифицируется современное общество, фиксируются его отличия от иных – как в историческом протяжении, так и в пространственном отношении. Авторы статьи полагают возможным утверждать о необходимой при этом опоре на соответствующие ментальные основания, которые профессиональные ученые не могут не учитывать. Знание законов развития конкретного общества позволяет исследователям оценивать поведенческие модели индивидов, составляющих социум в целом, определять сохранность ментальных кодов, оценивать перспективы развития общества, опасности и ловушки, а также возможные пути их преодоления.

Важным представляется определить роль ментальных оснований в идентификационной линии «исследователь – общество». Заданность ментальных кодов, присущих научному поиску исследователя, может выполнять двойственную роль. Так, французская революция, изучаемая не французом, а представителем иной ментальности, может быть интерпретирована не вполне верно, поскольку неверно может быть понят сам ментальный пласт французского общества конца XVIII в. (Гуревич 1993). В этом случае ментальное единство мышления французского исследователя с теми или ины-

ми происходившими в истории событиями даст возможность последнему вскрыть их латентные смыслы, неостребованные носителями иным ментальностей. С другой стороны, некая заданность мышления французского исследователя может добавить элемент субъективности к оценке произошедших событий, вызванной соответствующими ментальными установками и стереотипами. В этом случае сторонний исследователь, выведенный за круг актуальных ментальных установок общества, имеет возможность объективизировать оценку событий или найти совершенно иные аспекты их осмысления.

Иной видится группа большего порядка – общество, государство, культура, народ, этнос и т. п., которая, несмотря на свой масштаб, имеет все основания для самоидентификации, в том числе исторической. Ментальные коды, сохраняемые в историческом протяжении, могут позволить обществу, посредством выработанной исторической идентичности, определить самобытность своей эпохи, ее инаковость по отношению к другим эпохам, а также различие с обществами, находящимися в той же эпохе, но в пространстве иной культуры и с менталитетом иного порядка (Полежаев 2003).

Общество посредством исторической идентичности взаимодействует с группой «исследователи», в первую очередь, через ментальные установки, формирующиеся у ученого в процессе его становления. Здесь актуальной видится мысль о заданности мыслительных стереотипов, дарованных исследователю исторической эпохой и обществом, а потому присущих его научному поиску. «Историю, – пишет М. А. Барг, – можно изучать с ее «невидимой», внутренней стороны, то есть как процесс, обусловленный системными связями историографии с данным типом культуры, в частности с ее мировоззренческой сутью» (1987). Выход за пределы эпохи, культуры или ментальности весьма затруднителен как для индивида или социальной группы, так и для большого сообщества в целом. Такого рода примеры в истории уникальны, поскольку имеют революционную либо катастрофическую природу, нехарактерную для повседневного бытия.

В случае не соответствия исследователя духу эпохи, то есть если его мышление выходит за рамки очерченного обществом круга проблем либо он предлагает нестандартные методологические подходы, исследователь не может быть не принят ни своей профессиональной группой, ни обществом в целом. Ярким примером того, что в социальной философии и социологии рассматривается как проявление тоталитарной ментальности (Полежаев 2018), является начальный этап становления Школы «Анналов», когда его основатели не только не признавались научным сообществом, но и подвергались критике.

Общество справедливо рассматривать как среду зарождения, шлифовки и повседневного применения ментальных установок, определяющих не только ее бытие, но и бытие каждой личности, включенной в социальные группы и процессы. В связи с этим взаимодействие измерений «общество – личность» также невозможно вне исторической идентичности. Здесь индивид воспринимает ментальные установки, считывая их на уровне внесознательного, что позволяет ей идентифицировать себя как часть этого общест-

ва. Личность принадлежит среде, в которой она функционирует, но при этом она сама и формирует эту среду.

Проблема социально-культурной самоидентификации индивида, социально-индивидуального самоопределения личности в темпоральном измерении наличной культуры имеет множество аспектов, нуждающихся в дополнительном исследовании специалистами социально-гуманитарного знания.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Барг, М. А. Эпохи и идеи: становление историзма / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
2. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – 328 с. (Сер. «Биб-ка студента. История»).
3. Гуревич, П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии / П. С. Гуревич // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. IV. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. – М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. – С. 63–87.
4. Кондаков, И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы / И. В. Кондаков // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. IV. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. – М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. – С. 282–304.
5. Полежаев, Д. В. Идея менталитета в русской философии «золотого века»: монография / Д. В. Полежаев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.
6. Полежаев, Д. В. К вопросу о логике социального развития (Из философии Габриэля Тарда) / Д. В. Полежаев // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: матер. VI Межд. науч. конф. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 98–103.
7. Полежаев, Д. В. Личность и тоталитаризм: ментальные трансформации: монография / Д. В. Полежаев. – М.: Планета, 2018. – 208 с.
8. Полежаев, Д. В. Образ ученого в современной России: ментальный подход / Д. В. Полежаев // Научный потенциал на света – 2011: матер. за VII Международна научна практическа конф. (София, 19-25 септември 2011 г.). – Том 5. Психология и социология. Филологични науки. Философия. – София: «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2011. – С. 52–55.
9. Полежаев, Д. В. Проблема динамики этнических процессов в зеркале ментального подхода / Д. В. Полежаев // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 7 (167) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 21). – С. 5–9.
10. Полежаев, Д. В. Проблема формирования картины мира личности / Д. В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 8 (42). – С. 50–55. (Сер. «Социально-экономические науки и искусство»).
11. Полежаев, Д. В. Российская идентичность в исторической динамике: ментальные аспекты исследования / Д. В. Полежаев // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 2 (155) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 20). – С. 29–34.
12. Полежаев, Д. В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: дис. ... д-ра филос. наук: (09.00.11 «Социальная философия»): Волг. гос. пед. ун-т / Д. В. Полежаев; [Место защиты: Волг. гос. ун-т]. – Волгоград, 2011. – 330 с.
13. Полежаев, Д. В. Философские основания национальной идентичности / Д. В. Полежаев // Сибирский учитель. – Новосибирск, 2017. – № 2 (111) март-апрель. – С. 60–67.
14. Полежаев, Д. В. Субъектный подход в измерении качества образования: философско-методологические основы / Д. В. Полежаев // Primo aspectu. – 2018. – № 3 (35). – С. 35–42.
15. Резник, Ю. М. Социальная теория в России: поиски самоопределения / Ю. М. Резник // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Вып. 1(25). – С. 80–99.
16. Резник, Ю. М. Человек и мир: грани со-бытия / Ю. М. Резник // Личность. Культура. Общество. – 2014. – Т. XVI. – № 3–4 (83–84). – С. 66–82.
17. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. (Сер. «Биб-ка практической психологии»). – 554 с.